

Экран и сцена - 1996.
11-18 сент. - с. 5.

“Во всем виноват театр”

Марина ГАЕВСКАЯ

Роль Эстер построена на постоянных контрастах внутренних состояний. Актриса, с которой мы вместе смотрели спектакль, заметила: “Да, здесь есть, что играть!”. Уже в первом действии Вере Васильевой приходится пережить вместе с героиней резкий переход от самоуверенной премьерши, хозяйки театра и счастливой супруги до несчастной женщины, потерявшей “уверенность и душевный покой”. Мнимая поклонница, ворвавшаяся в ее личную и творческую жизнь, разрушает ее в одночасье. Но угроза Эстер: “вы увидите, что я могу быть одной из тех плохих актрис, которые играют в жизни”, невыполнима. Играть в жизни — это не для нее, хотя спектакль, который преподносит ей судьба, она действительно проживает с достоинством и артистизмом.

Плохой актрисой, играющей в жизни, становится моло-

дая соперница Эстер — Лиан (Наталья Карпунина). Она играет грубо и расчетливо, в своих карьерных устремлениях не останавливается ни перед чем, использует все: открытость и доброту Эстер, которая “любит любить”, и потому способна полюбить и Лиан, наступив на свое женское и актерское самолюбие; слабохарактерность и безвольную податливость Флорана — мужа Эстер (Юрий Авшаров), мучающегося между двумя женщинами. Лиан играет азартно и напористо-торопливо, словно предчувствуя недолговечность своей власти, спеша урвать от жизни все и как можно быстрее, потому, быть может, и проигрывает.

Пьеса и спектакль построены так, что в каждом из трех действий две женщины существуют словно на разных полюсах как внутренне, так и внешне, периодически меняясь местами. В первом действии волевая, резкая, еще “не остывшая” от сцены Эстер в роскошном театральном костюме и рядом с ней невзрачная, зажатая Лиан. Во втором — Эстер “домашняя”, тихая, в скромном, свободном костюме мягких тонов, но познавшая в страдании мудрость всепрощения и потрясенная неблагодарностью и жестокостью Лиан, отвечающей на любовь Эстер ненавистью. Молодая, предприимчивая актриса выглядит рядом с Эстер агрессивно-грубой и малоприятной, несмотря на вызывающую яркость и броскость ее театрального туалета. В финале Эстер, элегантная и женственно-величественная, обретает какую-то новую красоту и стать, Лиан же, вернувшись к своему первоначальному облику, уходит из ее дома обиженной и озлобившейся. Две актрисы, две женщины. Одна играет жизнью, своей и чужой, другую играет жизнь.

“Жизнь — это чудовищный театр”, — произносит Эстер в минуту отчаяния. “Это все театр, во всем виноват театр, он уродует, искажает, обманывает нас”, — слова Флорана звучат в спектакле дважды, словно акцентируя тему. Жизнь в театре и театр в жизни. Театр меняет психологию, смещает критерии, захватывает и подчиняет себе, но не для всех игра на сцене оборачивается игрой в жизни. Для Эстер и Флорана превыше всего первое, для Лиан — второе. Но жизненный дебют молодой искательницы славы, претендующей на голливудские триумфы, оказался неудачным, хотя, наверное, поучительным, не только для нее, но и для Флорана и Эстер, которая признается полусерьезно, что многому научилась у Лиан.

В финале Эстер-актриса, владеющая собой, умеющая держать форму, так же как и вначале знающая себе цену, но утратившая прежнюю капризную раздражительность примадонны, ставшая более сдержанной и мудрой. Хорошая актриса, которая и свою жизненную роль проживает талантливо и достойно именно потому, что жизнь не стала для нее театром, хотя театр остался для нее жизнью.

“Обожаю этот театр!” — звучит, сливаясь с финальными аплодисментами, голос Эстер — Веры Васильевой.

● Сцена из спектакля. Эстер — Вера Васильева, Лиан — Наталья Карпунина.

Фото Геннадия НЕСМАЧНОГО.

“Ненавижу этот театр!” — первые слова, которые произносит стремительно ворвавшаяся на авансцену актриса Эстер после едва отзвучавших аплодисментов в адрес актрисы Веры Васильевой. В бенефис последней в Театре Сатиры давали “Священных чудовищ” Жана Кокто (постановка Александра Вилькина). А за два дня до этого в Доме актера Вере Васильевой вручили премию Александры Яблочкиной, лауреатами которой стали в этом году, по словам Маргариты Эскиной, “люди, которые много лет отдали театру, люди, которые верны одному театральному коллективу, люди, которые бескорыстно служат актерскому делу и вместе с тем продолжают активно и успешно играть”. В январе актриса выступила в премьере Нового драматического театра — спектакле “Ассамблея” по комедии П.Гнедича в роли Натальи Борисовны, которая тоже воспринимается как бенефисная. Так что, для Веры Васильевой сезон 1995-96 годов — сезон сплошных бенефисов.

“Священные чудовища” — пьеса об актерах, о театре. Есть, наверное, определенная закономерность и естественность в желании поделиться со зрителями своим ощущением профессии, показав ее не только с парадной стороны. Поговорить о ней и о себе, о собственной судьбе, — в конечном итоге актерские судьбы во многом похожи, независимо от “степеней и званий”. И кто лучше самих актеров может поведать об этом. Не надо далеко ходить за примером. До премьеры в Театре Сатиры “вахтанговцы” сыграли “Веселых парней” Нила Саймона — хоть и не заявленный, но явный бенефис Юрия Яковлева. Разные ситуации, но близкие характеры, общие темы: смешение действительности и театра, игра в жизни и на сцене, и где больше искренности и истинности чувств, трудно порой определить самим героям.

“Меня привлекает в Эстер то, что в ней сочетается женское и актерское предощущение финала и в то же время — жажда борьбы, в которой творческая натура находит силы для того, чтобы все пережить артистично и с достоинством, — рассказывала Вера Кузьминична еще в период репетиций спектакля. — И, конечно, важно для меня и то, что главная любовь героини — театр, творчество”.

Героиня Васильевой — блистательная актриса, примадонна, привыкшая к блеску и поклонению. Мы не видим ее на сцене, ничего не знаем о ее ролях, но именно такой она появляется вначале — роскошной, уверенной в себе, и по-звездному слегка капризной, раздраженной от того, что в зале оказалась мешавшая ей зрительница. Недолгое раздражение Эстер тут же проходит, когда в ее гримборной появляется фанатичная “поклонница”, от восторгов которой актриса успокаивается, как от необходимого ей в эту минуту лекарства. Становится мягкой, снисходительно-великодушной. Но за изящным профессиональным кокетством слышится и скрытая горечь: “Актрисы гораздо более одиноки, чем думают зрители”.